

Легко ли быть волостным писарем? (на примере удельной деревни первой половины XIX в.)

Ю. Н. Красникова

В статье на основе архивных источников рассмотрена повседневная жизнь волостного писаря первой половины XIX в. в удельной деревне. Она, так или иначе, была связана с получением навыков, необходимых для замещения должности; выполнением служебных обязанностей; выстраиванием отношений с вышестоящими должностными лицами удельного ведомства и органами местного самоуправления. Работа волостным писарем отличалась от службы городских сословий, особенно для крестьянства, которое еще находилось в крепостной зависимости. Крестьяне становились писарями вопреки своей воле, в соответствии с нормативной закреплённой системой отбора сначала местными органами самоуправления, потом региональными и утверждались в Департаменте уделов. Ведомство в первой половине XIX в. столкнулось с острой нехваткой кадров для замещения должности писаря, поэтому искало различные варианты для решения этого вопроса и выстраивания долгосрочной стратегии. Ведь от грамотной и быстрой работы делопроизводителя зависела эффективность документооборота. В статье также рассмотрена роль и влияние писарей на сельское общество.

Ключевые слова: Департамент уделов, Российская империя, первая половина XIX в., удельные крестьяне, волостной писарь, местные органы крестьянского самоуправления.

Для цитирования: Красникова Ю.Н. Легко ли быть волостным писарем? (на примере удельной деревни первой половины XIX в.) // История повседневности. 2022. № 3. С. 41–62. DOI 10.35231/25422375_2022_3_41

Часто писарь или делопроизводитель воспринимается как чисто технический работник, выполняющий второстепенную роль. Ведь он не принимал управленческих решений, его задачей было ведение делопроизводственных бумаг, составление отчетов, фиксация сбора податей и другая повседневная рутинная работа. Но при этом эффективность управления оценивается, в том числе, и состоянием документооборота. Документация является источником и результатом управленческой деятельности. Найти хорошего писца, особенно в низовые управленческие структуры было достаточно сложно. Если делопроизводитель в центральных и региональных учреждениях Российской империи имел классный чин, причислялся к государственной гражданской службе, что закрепляло определённую престижность профессии и давал шанс продвижения по служебной лестнице, то волостной писарь в органах местного самоуправления преимущественно набирался из крестьян. При этом, в изучаемый нами период, за ним сохранялось юридическое закрепление в крепостном состоянии, что отражалось в более низком жаловании, невозможности не только сменить место службы, но и ее оставить. С другой стороны, писарь обладал уникальными для неграмотной деревни способностями и являлся практически творцом официальной делопроизводственной документации. За его внимание в деревне боролись как выборные головы, так и представители официальных органов власти. Влияние писаря было огромным, что признавали сами чиновниками.

В историографии роль писаря в сельском обществе стала объектом исследования не так давно и в основном освещается на материалах пореформенной деревни [1]. О повседневной работе писаря в дореформенный период специальных работ практически нет. А ведь она имела свои особенности. В частности, работа волостным писарем, для крестьян носила больше принудительный характер в силу существовавших крепостнических отношений. Сложность изучения вопроса определяется также ограниченным характером архивных источников. Так, даже на более высоком уровне управления «в большинстве штатных расписаний содержатся сведения лишь об окладах классных чиновников (не ниже XII класса). Сведения о величине душевых окладов мелких чиновников

и низших служителей в них отсутствуют, а сообщается лишь общая сумма расходов на канцелярские расходы и жалованье этим работникам, которое распределялось по усмотрению начальников учреждений» [2, с. 22]. Установить должностные оклады писарей волостных органов самоуправления еще сложнее. Они содержались за счет крестьянского мира. Сумма оклада определялась мировым приговором, соответственно была различной.

Одними из первых, кто всерьез обратил внимание на фигуру волостного писаря, были А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова. Именно ими был поставлен вопрос о роли писаря в жизни сибирской деревни. Авторы проследили динамику развития института волостных писарей с середины XVIII в. и отметили, что включение этой должности в состав волостной администрации имело существенное значение в регламентации деятельности крестьянского самоуправления [3, с. 287]. Важность должности волостных писарей для органов местного самоуправления подтверждается тем фактом, что еще со второй четверти XIX в. предпринимались попытки реализовать проекты подготовки должностных лиц из крестьянского сословия. Такой проект был реализован в государственной деревне, но встретил сопротивление сельского общества. «Власти изыскивали различные способы обучения детей, а крестьяне, в свою очередь придумывали причины для отказа от обучения. Власти обустроивали учебные заведения, беспокоились о месте проживания учеников, а крестьяне отправляли учиться больных и необучаемых детей. Власти требовали выделения средств на содержание детей, а крестьяне жаловались во все инстанции о своей финансовой несостоятельности, нищете и всяческими способами оттягивали решение простых вопросов на неопределенное время» [4, с. 151]. Однако большого успеха в дореформенный период, по мнению автора, они не принесли.

Писари в удельной деревне также не становились объектом самостоятельного исследования. Ценным источником информации стало юбилейное издание Департамента уделов, выпущенное к столетию ведомства. Несмотря на некоторое тенденциозное рассмотрение успехов коронного управления, разделы по организации управления удельным хозяйством

авторами написаны довольно подробно, в том числе рассмотрены и выборные органы власти местного самоуправления [5, с. 21–25]. Есть сведения общего характера в работах, посвященных удельному управлению в целом. Рассматривая органы местного самоуправления в удельной деревне, авторы концентрируют свое внимание на должности приказного головы, упоминая о писарях, но не раскрывая их роли в сельской общине [6; 7]. Н.В. Дунаева делает интересный вывод, о том, что «внутренняя организация ведомства, его кадровый состав, наличие рациональной стратегии управления и проч. (субъективный фактор в управлении) играли весьма существенную роль в негласном «соревновании» коронных ведомств» [7]. Перед Департаментом уделов стояла не просто задача организовать эффективную систему управления удельным имуществом, оно должно было стать образцом для других ведомств. Найти хорошего делопроизводителя было проблемой для многих низовых структур Российской империи первой половины XIX в. Требовалось найти эффективную стратегию для решения кадрового вопроса.

Статья написана на основании архивных источников, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и Объединенном государственном архиве Оренбургской области. Нами были использованы делопроизводственные документы, материалы ревизий, отчеты Департамента уделов, проекты должностных лиц. Многие документы впервые вводятся в научный оборот. Источниками для написания статьи явились также нормативно-правовые акты как общегосударственного, так и локального характера.

Методологические приемы современной науки позволили выявить «узкие места» в предмете исследования, малоизученные аспекты темы. Так, структурно-функциональный подход позволил оценить всю систему управления в целом и выделить отдельные ее элементы. Проблема рекрутирования писарей из сельского населения существовала не только в удельном ведомстве, поэтому разработанная Департаментом практика подготовки писарей, показавшая хорошие результаты, была реализована и в государственной деревне. В работе использован методологический подход, сочетающий в себе приемы, характерные для истории повседневности

(прежде всего, метод исторической реконструкции), теории социокультурной динамики.

В 1797 г. было образовано удельное хозяйство под контролем вновь созданного государственного учреждения Департамента уделов. Для реализации административно-хозяйственных функций в отношении полученного имущества и крестьян требовалась отлаженная и эффективная система управления. В изучаемый нами период администрирование удельного хозяйства осуществлялось на трех уровнях, сохраняя строгую иерархию властных полномочий. Департамент уделов, возглавляемый министром, представлял центральную власть. Его основные полномочия заключались в стратегическом планировании и развитии удельного хозяйства. Все мероприятия прорабатывались и реализовывались исключительно с Высочайшего одобрения. Следующий уровень был представлен региональными органами управления – удельными экспедициями, которые после реформы 1808 г. были переименованы в удельные конторы. Они решали довольно широкий круг вопросов, находившихся в их подведомственности. Работа региональных органов власти заключалась в ежедневном рутинном решении повседневных вопросов во взаимодействии с крестьянским самоуправлением. Последней ступенью системы управления удельными имениями по закону 1797 г. были сельские удельные приказы, которые являлись важным институтом крестьянского самоуправления. Состав сельских приказов формировался на выборной основе в отличие от других уровней управления [5, с. 21–25].

Во всех структурных подразделениях в штатном расписании была предусмотрена должность писаря. В условиях повышения значимости делопроизводства и оборота бумаг роль письмоводителя становилась действительно незаменимой и востребованной [8]. Интересно, что писцом в Департаменте уделов начинал свою служебную карьеру (с 1830–1831 гг.) Николай Васильевич Гоголь. Он поступил туда на свободную вакансию по рекомендации начальника 2 отделения Департамента уделов, закончив гимназию высших наук князя А.А. Безбородко. Начал он свою карьеру в 14 классе Табели о рангах с жалованием 600 р. в год. Гоголь был рад, что оставил службу в Департаменте уделов. Он с неудовольствием вспоминал в письме

к матери о «мучительном сидении по утрам» в Департаменте; самая служба казалась ему слишком «ничтожной» и «извлек из службы в этом учреждении только разве ту пользу, что научился шивать бумагу» [9]. Возможно, кто-то из его героев написан с чиновника канцелярии Департамента уделов.

Но если в центральном аппарате управления проблем с поиском писаря не было, то на низовых уровнях управления обеспечить все вакантные должности было проблематично. При организации органов местного самоуправления в удельной деревне законодатель исходил из вопросов экономии средств и удешевления управления. Было принято решение формировать органы власти в деревне только из крестьян путем избрания представителей самой общиной. В 1797 г. приказное управление состояло из приказного выборного или головы, казенного и приказного старост и писаря. Кроме того, в каждой деревне полагался один сельский или деревенский выборный, а при церквях – ктиторы. Все местные власти были избираемы, при этом подразумевалось, что крестьянин продолжит смотреть за своим хозяйством. Поэтому закон допускал один или два раза в неделю выборным отлучаться домой, но с обязательством являться в приказ по первому требованию. В связи с этим жалование для них было определено небольшое. Должностные лица за свою службу получали денежное жалование – головы по 20 руб., старосты и писари – по 15 руб., сельские выборные – по 10 руб. асс. в год [5, с. 438]. Кроме того, все выборные должности, кроме десятских, освобождались от всех натуральных повинностей, но не от уплаты казенных податей и удельных сборов.

В теории система местного самоуправления в удельной деревне выглядела очень стройно. На практике при ее реализации Департамент уделов встретил ряд препятствий. Большой неожиданностью стало понимание, что в крестьянской среде редко встречались грамотные и найти подходящую кандидатуру на замещение должности писаря довольно сложно. Те, кто имел в первой половине XIX в. право законодательной инициативы при подготовке проекта исходили из своего жизненного опыта, часто дворянского воспитания, где обучение занимало часть их повседневности. Но крестьянская община жила по своим внутренним законам, которые существенно

отличались от представлений городских сословий. Грамотность не являлась приоритетной...

Сразу стало понятно, что придется приглашать на должность писарей посторонних людей из свободных сословий. В свою очередь в Учреждении в параграфе 179 четко говорилось, что «приказных, выборных старост и писарей выбирать из всех сел и деревень к тому приказу приписанных», т. е. нельзя было приглашать на замещение выборных должностей лиц не из удельных крестьян [10, с. 562]. При этом все делопроизводство по приказам лежало на плечах писаря, который «будучи взят с поля и следственно несведущ в обрядах и пути, часто причиняет замешательство и промедление в исполнении предписаний установленных над ним начальств» [11, л. 88–109 об.].

Удельные экспедиции оказались в правовой ловушке разрешить которую мог только законодатель. Уже в 1798 г. в Департамент уделов поступило ряд ходатайств из экспедиций разъяснить как поступать в таких случаях. Департамент уделов подготовил на Высочайшее имя докладную записку, в которой просил разрешить нанимать «вольных людей в приказные писари по договору с крестьянскими общинами» на условиях службы не менее 3 лет [5, с. 438]. Только если в результате работы выяснялось, что писарь не может выполнять свои должностные обязанности, его увольняли. Ситуация была безвыходная, работа экспедиции и приказов тормозилась, поэтому предложение министра Департамента уделов получило утверждение, именной указ вступил в силу. При этом жалование наемного писаря варьировалось до 150 р. и более [11, л. 88–109 об.], т. е. в 10 раз больше, чем было заложено первоначально.

Писарь должен был знать особенности ведомственного делопроизводства. Вопрос поднимался на обсуждение в Государственном совете в 1801 г. в период активных преобразований государственных учреждений. Среди которых были и планы по ликвидации Департамента уделов, который по мнению членов Совета дублировал функции уже существовавших в Российской империи учреждений. По мнению членов Государственного Совета «поселяне по незнанию своему избирают в писари людей неопытных в приказном порядке, а от сего самого затрудняются экспедиции в скором доставле-

нии Департаменту нужных сведений и распоряжения оного прежде приводятся в надлежащее действие как по многократном повторении приказам» [11, л. 88–109 об.]. Предлагалось заменить писарей в приказах не выборными от сельского общества, а государственными служащими, «дабы можно было со всей строгостью взыскать на них всякое упущение». Кадры предлагалось рекрутировать в экспедициях их своих канцелярских служителей или из свободных чиновников, ищущих вакантное место. При этом предлагалось существенное повышение жалования до 200 р. в год [11, л. 88–109 об.]. Предложение членов Государственного Совета не получило поддержки императора, Департамент уделов пытался найти другие пути решения проблемы по заполнению вакансий писца в сельских приказах. Сразу отметим, что предложение членов Государственного Совета оказалось практичным и позже все-таки было реализовано в удельном ведомстве.

Удельным властям пришлось признать, что «сельское управление оказалось не столько близким к населению, не столь однородным по составу, не столь дешевым, как предполагалось». Исправить ситуацию, по мнению чиновников, могла бы система подготовки писарей, через практику менторства или наставничества. Более квалифицированного писаря из экспедиции направляли бы в приказы для передачи опыта выборным письмоводителям. Такой подход, по мнению чиновников, должен был в том числе писарей «удерживать от злоупотреблений» [5, с. 443]. Единственный нюанс, на это требовалось, по самым приблизительным подсчетам выделение дополнительно 800 р. в год. Это не соотносилось с принципами удешевления содержания приказных органов власти. Департамент отверг это предложение, ответив, что «таким средством не можно заменить ни просвещения сельских старшин, ни искусства писарей» [5, с. 443]. Но решать проблему было необходимо. Департамент уделов в 1804 г. распорядился прислать из каждого приказа по одному грамотному крестьянину, который мог бы пройти обучение при экспедиции «порядку приказного делопроизводства». Также по три крестьянских мальчика, которых направляли для обучения в уездное народное училище. Их содержание ложилось на плечи крестьянского мира. По окончании изучения курса грамотности

и предварительно пройдя стажировку в экспедиции по особенностям порядка делопроизводства в удельном ведомстве, эти крестьяне назначались бы в приказные писари [5, с. 443]. Сразу скажем, что это предложение не окажет существенного влияния на заполнение вакансий писаря из крестьян. Во-первых, качество образования в приказных и уездных училищах, особенно на периферии было недостаточным для получения нужных навыков. Во-вторых, в деревне никогда руки не лишние, поэтому крестьянство сопротивлялось к отправлению своих детей на обучение. В-третьих, в некоторых приказах вообще не смогли найти и представить таких мальчиков, поэтому никого не отправили.

Дефицит людей, умеющих писать и вести правильно документацию, привел и к еще одной интересной особенности при организации удельных приказов: чтобы стимулировать способных крестьян учиться и потом занимать должность писаря, им предоставлялись дополнительные более широкие льготы, чем другим выборным из крестьян. Так, в 1804 г. Архангельская экспедиция обратилась с ходатайством в Департамент уделов об освобождении от рекрутской очереди семейств писарей на время службы. Интересно, что Департамент в виду того, что такая льгота для писарей могла сделать «рекрутскую повинность более обременительной для остальных крестьян», попросило заручиться письменным согласием на такую льготу «всего мира». В следующем году экспедиция представила такие мирские приговоры, лишь один приказ отказался [5, с. 440]. Эта практика была распространена и на другие экспедиции. Несмотря на все предпринятые попытки по свидетельству удельных экспедиций подобрать подходящего писаря как внутри общины, так и со стороны было все также трудно. Для справедливости отметим, что также сложно было найти желающих замещать выборные должности в приказах, крестьяне уклонялись от этих обязанностей несмотря на привилегии и льготы. Так, до Департамента доходили слухи, что избранные в головы крестьяне нередко под разными предложениями уклонялись от этой должности. Все такие случаи были поставлены под контроль удельных властей [5, с. 453].

В первое десятилетие существования Департамента уделов уже сформировались острые запросы в системе управле-

ния удельным хозяйством, которые требовали решения. Они нашли отражение в принятом в 1808 г. Положении по Департаменту уделов, которое перестраивало территориально-административную систему управления в удельной деревне и просуществовало вплоть до реформы отмены крепостного права. Это же Положение существенно изменило подход к рекрутингу должностных лиц, в том числе и писарей в сельские приказы. По Положению 1808 г. состав приказного управления не изменился, но механизмы избрания претерпели корректировки. Так, избранный голова утверждался Департаментом уделов после выборов не на три года, а бессрочно. Старосты, или теперь заседатели, избирались также на три года, а вот приказные писари перестали быть выборными, они назначались управляющими конторами и при этом не обязательно из крестьян, но и из лиц других сословий. Всем приказным властям были определены пределы полномочий [12, с. 239–240]. Необходимость к этому сложилась на основании свидетельств местных властей о том, что «нельзя не видеть, что черты собственного самоуправления в значимой мере затерялись в новом порядке, делавшим приказных старшин похожими более на чиновников, нежели на выборных. Приказной писарь, назначаемый управляющими, поставленный вне всякой зависимости от крестьянского общества и приказной старшина, окончательно обратившийся в чиновника» [5, с. 448]. Проблема размытых компетенций, и как следствие, злоупотребления должностными полномочиями со стороны, в том числе и писаря, отмечалось еще членами Государственного совета в 1801 г.: «Для взаимного равновесия необходимо, чтобы писмоводитель не зависел совершенно от должностных поселян, как и они от него, чтобы имался он единственно в успешном обрабатывании и хранении в порядке счетов и прочих письменных дел, не мешаясь в сборы или другие мирские отношения и связи... Так нужно определить пределы влияния делопроизводителя, иначе по опытности в судоведении подчинит он себе весь приказ, что может привести к злоупотреблениям» [11, л. 88–109 об.].

Итак, согласно Положению 1808 г. увеличивалось жалование и расширялись привилегии для выборных властей.

Министр Департамента уделов аргументировал это тем, что «сколько для приведения их в приличное уважение от крестьян и от лиц посторонних, столько и для поощрения их самих к добропорядочному поведению и ревности в исполнении их обязанностей» [5, с. 446]. Так, приказные писари из свободных сословий теперь становились единственными в структуре должностных лиц местного самоуправления кто числились в штате Департамента уделов, являясь таким образом чиновниками государственной гражданской службы, что существенно повышало их статус и должно было способствовать в более успешном поиске желающих работать в этой должности. Соответственно все перемещения по должности происходили только по решению вышестоящих органов власти, а никак не крестьянской общины. Так, в 1809 г. Оренбургская удельная контора предписывала приказу, принявшему самостоятельное решение об увольнении с должности писаря Галактионова, «объявить им чтобы они впредь сего не чинили без позволения конторы, в противном случае строго будут за сие наказаны, а меж тем донесли бы в контору кто на оное место ими найден и именующие у него аттестаты доставили бы в контору» [13, л. 2].

Жалование писарю также было увеличено до 200 р. в год. По сравнению, жалование голове по Положению было определено в 250 р. Но оговаривалось, что такое содержание положено только для лиц, не состоящих в крестьянском звании, если же управляющий находил в приказе способного удельного крестьянина к исполнению должности писаря, то размер жалования составлял 120 р. [5, с. 447]. Управляющие контор стали обращать внимание, что теперь из-за неодинакового жалования писарям из свободных сословий и крестьян существовала неравномерность в мирских сборах по отдельным приказам, ведь жалование разнилось почти в два раза. С 1810 г. была осуществлена попытка ввести общий уравнительный сбор. Но как оказалось это было неудобно и создавало препятствия для закрытия вакансий писаря в деревне. В 1818 г. вернулись к старой системе, когда сбор с крестьян денег на содержание выборных органов самоуправления уравнивалось только в рамках удельной конторы [5, с. 457]. Интересно, что содержание писаря,

несмотря на то, что предлагалось его отнести к штатным чиновникам ведомства, все равно ложилось на плечи сельского общества.

Делопроизводитель выполнял большой объем работы в приказе. В начале 1830-х по свидетельству чиновников удельного ведомства каждая контора ежегодно получала от 10–20 тыс. бумаг, а приказы – от 1000 до 1200. Кроме того, на одного писца и его помощника ложилась обязанность вести 11 журналов по делопроизводству и по отчетности в приказе [14, л. 112–131]. Обилие переписки и бумажного делопроизводства в приказах привело к тому, что писарю в приказы стали нанимать помощников, хотя такая должность первоначально не предполагалась штатным расписанием.

Со второй четверти XIX в. существенно изменился подход к решению кадрового вопроса в отношении делопроизводителей. В 1828 г. в удельном имении были организованы сельские училища. Целью их организации стала как раз подготовка писарей для удельных контор и приказов. Рекрутирование писарей из крестьян удешевляло управление и снижало денежную нагрузку на крестьянскую общину. Кроме того, системная и ведомственная подготовка писарей позволяла обеспечить стабильность по закрытию все еще имеющихся вакансий.

Организация сельских училищ проходила в два этапа. Первый этап, с 1828 г., заключался в подготовке учителей для сельских училищ. Второй этап подразумевал организацию непосредственно самих училищ для подготовки писарей. С целью подготовки учителей в 1828 г. были открыты два специальных учебных заведения «под наименованием Главных». Первое было открыто недалеко от Москвы на 50 учебных мест, второе в Красном селе, рассчитанное на 30 мест. Главные училища находились в подчинении Департамента уделов и под надзором соответствующих удельных контор [15, л. 145–151]. Согласно уставу, выпускники, с утверждения вице-президента, определялись в должности сельских учителей своих приказов, а неспособные к преподавательской деятельности – в приказные писари. Финансирование главных удельных училищ производилось на начальном этапе из штрафных сумм. Начиная с 1833 г. средства выделялись из удельного бюджета, так на Московское училище было выделено 25 500 р., а на Красно-

сельское – 20 500 р. асс. Сумма была фиксированной и ежегодной и во второй четверти XIX в. не менялась [16, л. 180].

Непосредственное управление училищем поручалось учителю, его помощнику и надзирателю, которые назначались в свои должности вице-президентом Департамента уделов. Контроль за деятельностью училищ закреплялся за удельными конторами, которые должны были проверять приходные и расходные книги, составлять ежегодные отчеты вице-президенту об учебной, нравственной и хозяйственной сторонах деятельности училища. Вице-президент отчитывался уже перед министром и императором.

Согласно уставу Главного удельного училища, принятому в 1828 г. при отборе будущих воспитанников, существовал целый ряд предпочтений: гендерные, возрастные, физические и нравственные. В ученики набирались исключительно мальчики в возрасте от 14–16 лет, имеющие здоровое телосложение и прививки от оспы. Особо отмечалось, что будущие учителя или писари должны были быть «хорошей нравственности» и желательно, чтобы умели «немного писать и читать», но если таких не было, то можно было брать и неграмотных. Система отбора в училища для претендентов была многоступенчатой, сначала их отбирали местные удельные власти, старшины и крестьяне, а потом «отсев» делался на уровне региональных властей, и наконец претенденты утверждались в новом звании уже в Петербурге или в Москве, после беседы с руководством. В уставе особо отмечалась ответственность местных удельных властей за отбор претендентов в Главные училища. Оценивать умственные возможности должно было местное начальство «чрез разговоры». И если в результате обучения крестьянин оказывался «тупого понятия», то отправлялся домой за счет конторы «по выбору коих прислан». А вот ответственность за нравственность будущего ученика устанавливалась за старшинами и крестьянами, и в случае недолжного поведения крестьянин отправлялся к месту уже за их счет. Материальное наказание должно было стимулировать начальство к тщательному отбору будущих учителей.

Общее количество учеников от каждой удельной конторы определял Департамент уделов. Такая сложная система отбора должна была рекрутировать из удельной среды способных

крестьян. Главной целью обучения являлось удовлетворение внутренних нужд удельного ведомства, но не готовность оказывать помощь одаренным крестьянам. Так, мать удельного крестьянина Ефима Федорова, закончившего в 1833 г. полный курс Московского главного училища, попросила Высочайшего разрешения исключить ее одаренного сына из удельного ведомства для продолжения обучения в Московской гимназии и потом в Московском университете. На просьбу последовал отказ императора, «ибо сие противно постановлениям удельного департамента, о чем и объявить просительнице с запрещением и впредь утруждать не основательными просьбами» [17, л. 16–17]. Интересно, что, несмотря на достаточно жесткую формулировку Высочайшего отказа, в итоге этого мальчика выпустили в мещанство, т.к. мама его, удельная крестьянка Авдотья Кравцова оказалась бывшей кормилицей Его императорского величества наследника Александра Николаевича, который ходатайствовал за нее. Выпустили на общих правилах, но «не в пример другим» [17, л. 18].

Главное училище лишь частично закрывало вакансии писарей в приказах, основная подготовка велась в сельских училищах, организация которых была предусмотрена еще параграфом 194 Учреждения об императорской фамилии [10, с. 565]. Первоначальная цель организации училищ была в повышении общего уровня грамотности среди удельных крестьян, что, по мнению Департамента уделов, защитило бы крестьян от излишней доверчивости, которой пользовались «злонамеренные люди», а знание догматов Православной веры способствовало бы сокращению в среде удельных крестьян «раскольнических ересей» и «распространения необходимых для каждого христианина понятий о вере и некоторых первоначальных между крестьянами сведений» [15, л. 133–133 об.]. Но при организации училищ во второй четверти XIX в. к прежним целям добавилась дополнительная – способные выпускники сельских училищ могли пополнить вакансии писарей для удельных контор и приказов, которых катастрофически не хватало [15, л. 145–151].

Сельские училища учреждались при каждом приказном доме недалеко от приходской церкви. Набирались мальчики от 8 до 12 лет. При этом для ребят до 14 лет процесс обучения

был непрерывным, а с 14 лет приостанавливался с началом полевых работ до их окончания. В целом на протяжении первой половины XIX в. возраст начала службы имел тенденцию к увеличению. «Если в 1808 г. нередким явлением были 11-, 12-летние копиисты, то во второй четверти столетия законодательство ограничило возраст начала службы четырнадцатью годами, а начало действительной службы – шестнадцатью» [18, с. 92].

Количество учеников определялось управляющим удельной конторой. Руководителем школы и ответственным лицом назначался учитель и приказной голова. Набор в школу осуществлялся приказным головой и приходским священником, так как в законе четко говорилось, что одной из целей организации училища «распространение необходимых для каждого христианина понятий о вере». Семья учащегося должна была снабдить мальчика армяком, кушаком, шляпой и сапогами, дополнительно – зимним тулупом и шапкой. Сирот отправляли за мирской счет. Программа обучения включала в себя чтение церковных книг, гражданской печати и рукописей; чтение закона Божьего по краткому Катехизису; чистописание; 4 первых действия в арифметике. Для селений, где числилось более 800 душ организовывали дополнительный уровень обучения, где уже изучали пространный Катехизис, Священные истории и окончание арифметики. Кроме Закона Божьего все предметы вел учитель [15, л. 145–151].

Время обучения определялось испытаниями, в зависимости от показанных способностей определялся срок нахождения в училище. Обучение было ежедневным, кроме воскресения и праздничных дней по 5 часов. При этом приоритет в занятиях закреплялся за священником, оставшиеся часы забирал учитель. Все занятия начинались с молитвы, «учитель заставлял одного из учеников читать оную внятно и соблюдая чтобы прочие слушали со вниманием и благоволением» [15, л. 145–151]. Интересно, что некоторые священники отказывались «принять на себя обучение», ссылаясь, кто на плохое здоровье, кто на преклонный возраст [19].

Для учеников была предусмотрена система штрафов и наград. Так, успешные крестьяне получали похвалу в присутствии всех, занимали первые места в классе, их имя заноси-

лось на доску отличников. А вот нерадивые ученики могли получить выговор, выставление имени на штрафной доске и даже стояние на коленях и порку. Способные ребята могли быть направлены в Главное училище. Важно отметить, что обучение сразу проходило по журналам и формам отчетности, которые сложились в Департаменте уделов.

В отличие от главных училищ, которые содержались за счет Департамента уделов, финансирование сельских училищ полностью ложилось на плечи крестьянского мира. При этом крестьянам предлагалось заключить мирские приговоры для утверждения смет на содержание сельских училищ.

Организация сельских училищ для обучения крестьянских детей грамоте и основам делопроизводства, тем самым подготовка писмоводителей под нужды конкретного учреждения дала свои позитивные результаты. В 1838 г. в удельных приказах было открыто 7 училищ, «кроме того для замещения писарских должностей обучаются грамоте у каждого приказного писаря по три крестьянских мальчика, всего по числу приказов (195) – 585 человек» [20, л. 26–70]. В 1841 г. школы были открыты почти при каждом сельском приказе, количество крестьянских детей, обучающихся грамоте составляло уже 6 312 человек, «сверх того учатся грамоте у писарей сельских приказов – 602» [21, л. 11–63]. Даже если не все крестьяне были после обучения способны закрывать должности писарей в приказах, все же организация системного обучения и подготовка писарей для низовых органов власти в удельной деревне имело нужный результат. Все больше вакантных должностей в удельной деревне замещались удельными крестьянами. Поэтому пришла идея этот опыт мультиплицировать и на подготовку писарей для волостного правления на других сельских территориях Российской империи. Так, с начала 30-х гг. XIX столетия в государственной деревне ведомством государственных имуществ стали создаваться учебные заведения, в них «обучали детей грамоте и готовили писарей и счетных работников для учреждений, которые управляли крестьянами» [4, с. 149]. Их содержание производилось, как и в уделах, за счет частных земских повинностей казенных поселян. Да и устав этих образовательных учреждений копировал уже принятый устав сельских училищ в удельной деревне.

Некоторые исследователи считают, что необходимость обучения способствовала повышению брачного возраста среди писарей. Кроме того, существовали определённые ограничения: «запрещается лицам, состоящим в службе как военной, так и гражданской, вступать в брак без дозволения их начальств, удостоверенного письменным свидетельством» [18, с. 94].

Что же касается организации быта писаря, то сельские приказы «занимали развалившиеся от ветхости лачужки, где писарь, все его семейство, домашний мелкий скот и птица помещались вместе с Волостной канцелярией; книги, выданные из казенной палаты, оставались неписанными; указы Палаты валялись вместе с одеждой Писаря по лавкам; – тут никакой справки, отчетности нельзя было найти» [14, л. 112–131]. Конечно, не все писари жили так бедно. Нами был выявлен документ описи имущества приказного писаря 1840 г. Оренбургской удельной конторы, который был составлен после его смерти. Итак, чем же владел приказной писарь: икона; шкатулки; деньги «в современном алом бумажнике» 330 р. асс.; в двух «бисерновых кошельках» – 37 р. 15 к. серебром; медаль за 1812 г.; три перочинных ножика; «чугунный перстень»; духи и один пузырек с лекарствами; сундук; оружие; шуба волчья с сукном, стоимостью 80 р.; лошадь жеребец заводской породы (150 р.); лошадь (70 р.). Кроме того, были обнаружены долговые расписки: коллежскому регистратору – 19 р. 25 к. в долг; крестьянину – 42,50, титулярному советнику 668 р. и др. Общая сумма оцененного имущества составила по мнению чиновников 1 349 р. 62 к., хотя выручили они после продажи этого имущества большую сумму – 1742 р. 11 к. серебром [22, л. 8–12].

Письмоводство осложнялось и рядом технических обстоятельств. Низкая освещенность помещений, плохое качество бумаги также сказывались на результате. «Документы писались исключительно от руки гусиными перьями, требовавшими частой заточки и замены и не позволявшими быстро писать...Текст каждого документа приходилось писать по меньшей мере дважды: в виде черновика и беловика» [23, с. 58–59].

Многие считали волостного писаря наделённым большими полномочиями и имеющим влияние на представителей исполнительной власти, что соответствовало действительности. Так, государственные крестьяне при передаче в уделы в 1830-е гг. были уверены, что их продали писари, и что у них есть такие полномочия и возможности [24, с. 233]. Делопроизводители часто вели двойную документацию, одну – для проверяющих органов, другую, внутреннюю, для учёта дополнительных сборов с крестьян. Так при расследовании злоупотреблений со стороны органов местного самоуправления в Московском удельном имении следователи особенно хотели заполучить внутренние неофициальные журналы писарей: «нужно будет отправить надежных чиновников во все приказы Московского удельного имения, чтобы опечатать и отобрать не только книги и тетради о мирских сборах и расходах находящиеся в приказных избах, но и частные тетради по сему же предмету принадлежащие приказным писарям, головам и сборщикам податей, как состоящим в должности, так и уволенным от должности... Тетради сии вероятно заключают в себе доказательства о непозволительных сборах, а потому весьма важно захватить документы сии, прежде, нежели могут оные уничтожить» [25, л. 3–4].

У письмоводителя всегда имелся компромат на представителей власти. Причем писарь мог быть связан договоренностями как с головой, так и с представителями губернской или удельной региональной власти, донося на приказных голов. Случаи злоупотреблений среди этих представителей сельского самоуправления встречаются довольно часто. Так, в Симбирской удельной конторе крестьянин Алексеев, награжденный в 1831 г. кафтаном, будучи приказным главой «оказался виновным в разных беспорядках, злоупотреблениях и лихоимствах». Вместе с Алексеевым в тех же преступлениях виновен был и приказной писарь Широков (из ямщиков). Интересно, что наказание было назначено разное, с Алексеева сняли кафтан, а Широкова следовало отправить в рекруты, или, «в случае неспособности, в Сибирь» [14, л. 153]. В той же Симбирской губернии из-под следствия были отпущены удельные крестьяне, которые содержались исправником под стражи по делу об укрывательстве беглого крестьянина. При этом по-

средником в передаче 450 р. исправнику был именно писарь [14, л. 112–131].

Так или иначе в документах неоднократно встречаются свидетельства об активной роли писаря. Он выступал не только как технический исполнитель возложенных на него обязанностей, но и как посредник между властью и общиной, получая свою мзду. Причем, дела по злоупотреблениям приказных голов являлись частным явлением, а вот уголовные дела против писарей практически единичными. И последнее, на что следует обратить внимание, волостные писари из приглашенных сторонних людей чаще сотрудничали с удельными региональными властями, что позволяло последним контролировать изнутри сельское управление. Выборные же из крестьян в рамках крестьянской общинной институциональной и сложившейся круговой поруки, сотрудничали с волостным правлением. Сами же крестьяне тоже предпочитали на должности писаря иметь «своего». Так, крестьяне Гжельского удельного приказа Московской удельной конторы просили земского письмоводителя, так как «терпят утеснения и оскорбления, а они смогут выбрать достойнейшего из крестьян, а вместо писаря сможет заступит его помощник, избранный крестьянами» [25, л. 37–37 об.].

Итак, волостной писарь играл значимую роль в удельной деревне. Его способности к ведению документации, умению составить деловое письмо и вести журналы отчетности были незаменимы. От быстрой и качественной работы зависела эффективность управленческого действия. Департамент уделов желавший с одной стороны удешевить содержание аппарата органов местного самоуправления, с другой – столкнувшись с трудностями с замещением вакантных должностей все первое десятилетие XIX в. искал механизмы поиска компромиссного решения. Итогом такой политики стало изменение системы рекрутинга на писарские должности путем подготовки кадров специально для замещения должностей в Департаменте уделов, а также расширение привилегий и льгот, что должно было сделать службу волостным писарем более желанной. Важным шагом стало и приравнивание службы волостного писаря к государственной гражданской, но только для лиц свободных сословий. Для удельных крестьян, находившихся

в юридической зависимости, служба писарем зачастую была обязанностью, а не их желанием. Даже уровень содержания волостного писаря существенно разнился: у писарей из крестьян он был в два раза ниже, чем у наемного делопроизводителя из свободных сословий. Крестьяне сопротивлялись отправлению своих детей для обучения в специально созданные учебные заведения. Волостной писарь, в отличие от делопроизводителей удельных контор и канцелярии Департамента уделов не получал государственное жалование, а содержался за счет мира. При этом, писарь обладал огромным влиянием внутри крестьянского самоуправления. За верную службу писаря боролись между собой как губернские и удельные власти, так и выборный голова.

Список литературы

1. Резникова М.А. Социальный облик волостного писаря в Томской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2022. – Т. 21. – № 1. – С. 75–86.
2. Иванов В.А. Служебная пригодность или личные симпатии начальника: окладное содержание служащих местных государственных учреждений России в середине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2012. – № 1. – С. 20–31.
3. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Волостной писарь: слуга двух господ или хозяин сибирской деревни // Азиатская Россия: люди и структуры империи. – 2005. – С. 282–311.
4. Калинина Е.А. Организация училищ для подготовки волостных писарей в России в первой половине XIX в. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 1 (15). – С. 148–151.
5. История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 1. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1901–1902. 723 с.
6. Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. 1797–1865. – Смоленск: СГПИ, 1986. – 108 с.
7. Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права российской империи (конец 18 – первая половина 19 в.). URL: <https://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/> (дата обращения: 24.05.2022).
8. Красникова Ю.Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 451–469.
9. Документы о службе Гоголя в департаменте уделов. URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/delovye-bumagi/dokumenty-o-službe-v-departamente-udelov.htm> (дата обращения: 20.05.2022).
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собрание 1. 1796–1797. – Т. XXIV. – № 17906. – СПб., 1830.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236.
12. ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. – Т. XXX. – № 23020. – СПб., 1830.
13. Объединённый государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 168.
14. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45.
15. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36.
16. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40.
17. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 41.

18. Бодрова Ю. Как во новой конторе сидел писарь молодой ... // Родина. – 2008. – № 8. – С. 90-95.

19. Первая школа в селе Паракино – удельное училище. URL: <http://nselo.ru/proekty/dom-traditsiy/istoriya-sela-parakino/shkola/?ysclid=l66jlkuy6w729856543> (дата обращения: 28.07.2022).

20. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47.

21. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 50.

22. ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 165.

23. Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. – СПб.: Искусство-СПб, 2007. 461 с.

24. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 635 с.

25. РГИА. Ф. 472. Оп. 39 223/2732. Д. 1.

Is it easy to be a volost clerk? (on the example of an appanage village in the first half of the 19th century)

Yuliya N. Krasnikova

The article examines the volost clerk daily life of the first half of the 19th century in an appanage village on the basis of archival sources. Their life, one way or another, was connected with obtaining the skills required to occupy the position; performance of official duties; building relationships with higher officials of the Appanage Department and local self-government. The volost clerk work differed from the service of urban classes, especially for the peasantry, that was still in serfdom. They became clerks against their will in accordance with the normative system of selection, first of all by local self-government, then by regional bodies and eventually were approved in the Appanage Department. The Department in the first half of the 19th century faced an acute shortage of staff to fill the position of clerk, so that's why it was looking for various options to solve this issue and build a long-term strategy. After all, the efficiency of document circulation depended on the competent and fast work of the clerk. The article also considers the role and influence of clerks on rural society.

Key words: Appanage Department, Imperial Russia in the first half of the 19th century, appanage peasants, volost clerk, local self-government of peasants.

For citation: Krasnikova, YU.N. (2022). Legko li byt' volostnym pisarem? (na primere udel'noj derevni pervoj poloviny XIX v) [Is it easy to be a volost clerk? (on the example of an appanage village in the first half of the 19th century)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 41-62 (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_41

References

1. Reznikova M.A. Sotsial'nyi oblik volostnogo pisarya v Tomskoi gubernii (konets XIX–XX vv.) [The social appearance of the volost clerk in the Tomsk province (the end of the XIX–XX centuries)] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History. Philology]. 2022. T. 21. № 1. pp. 75–86. (In Russ.)
2. Ivanov V.A. Sluzhebnaya prigodnost' ili lichnye simpatii nachal'nika: okladnoe sodержanie sluzhashchikh mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossii v seređine XIX v. [Service suitability or personal sympathies of the chief: salary maintenance of employees of local state institutions of Russia in the middle of the XIX century] // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: istoriya Rossii [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. 2012. № 1. pp. 20–31. (In Russ.)
3. Remnev A.V., Suvorova N.G. Volostnoi pisar': sluga dvukh gospod ili khozyain sibirskoi derevni [Volost clerk: a servant of two masters or the owner of a Siberian village] // Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii [Asian Russia: people and structures of the empire]. 2005. pp. 282–311. (In Russ.)
4. Kalinina E.A. Organizatsiya uchilishch dlya podgotovki volostnykh pisarei v Rossii v pervoi polovine XIX v. [Organization of schools for the training of parish clerks in Russia in the first half of the XIX century] // Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vector of Science of Togliatti State University]. 2011. № 1 (15). pp. 148–151. (In Russ.)
5. Istoriya udelov za stolietie ikh sushchestvovaniya [The history of the estates for a century of their existence]. 1797–1897. T. 1. SPb.: Tip. Glavnogo upravleniya udelov, 1901–1902. 723 p. (In Russ.)
6. Gorlanov L.R. Udel'nye krest'yane Rossii [Appanage peasants of Russia]. 1797–1865. Smolensk: SGPI, 1986. 108 p. (In Russ.)
7. Dunaeva N.V. Udel'nye krest'yane kak sub'ekty prava rossiiskoi imperii (konets 18 – pervaya polovina 19 v.) [Appanage peasants as subjects of Law of the Russian Empire (late 18th – first half of the 19th century)]. URL: <https://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/> (data obrashheniya: 24.05.2022).
8. Krasnikova Yu.N. Evolyutsiya deloproizvodstva v gosudarstvennykh uchrezhdeniyakh Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX veka (na primere Departamenta udelov) [The evolution of office work in state institutions of the Russian Empire in the first half of the XIX century (on the example of the Department of estates)] // Nauchnyi dialog [Scientific dialogue]. 2022. T. 11. № 4. pp. 451–469. (In Russ.)
9. Dokumenty o sluzhbe Gogolya v departamente udelov [Documents on Gogol's service in the Department of the estates]. URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/delovye-bumagi/dokumenty-o-službhe-v-departamente-udelov.htm> (data obrashheniya: 20.05.2022).
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZ) [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 1. 1796–1797. T. XXIV. № 17906. SPb., 1830. (In Russ.)
11. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. F. 1147. Op. 1. D. 236.
12. PSZ. Sobranie 1. 1808–1809. T. XXX. № 23020. SPb., 1830. (In Russ.)
13. Ob'edinennii gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (OGAOO) [United State Archive of the Orenburg Region]. F. 36. Op. 1. D. 168.
14. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 45.
15. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 36.
16. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 40.
17. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 41.
18. Bodrova Yu. Kak vo novoi kontore sidel pisar' molodoi ... [As a young clerk sat in a new office ...] // Rodina [Homeland]. 2008. № 8. pp. 90–95. (In Russ.)
19. Pervaya shkola v sele Parakino – udel'noe uchilishche [The first school in the village of Parakino – the specific school]. URL: <http://nselo.ru/proekty/dom-traditsiy/istoriya-sela-parakino/shkola/?ysclid=66jly6w729856543>. (data obrashheniya: 28.07.2022).
20. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 47.
21. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 50.
22. OGAOO. F. 36. Op. 1. D. 165.
23. Shepelev L.E. Apparat vlasti v Rossii. Epokha Aleksandra I i Nikolaya I [The apparatus of power in Russia. The Era of Alexander I and Nicholas I]. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2007. 461 p. (In Russ.)
24. Druzhinin N.M. Gosudarstvennye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva [State peasants and P. D. Kiselev's reform]. T. 1. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1946. 635 p. (In Russ.)
25. RGIA. F. 472. Op. 39 223/2732. D. 1.

Статья поступила в редакцию 8.07.2022

Одобрена после рецензирования 2.08.2022

Принята к публикации 10.08.2022